

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.4381298>

УДК 327

Хлопов О.А.

Хлопов Олег Анатольевич, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, Миусская пл., 6. E-mail: rggu2007@rambler.ru.

Неоконсервативная и неолиберальная парадигмы международных отношений о глобальном лидерстве США

Аннотация. В данной статье автор рассматривает содержание и критику неоконсерватизма и неолиберализма с целью установить их ценность в качестве научных парадигм для основы реализации внешней политики США. В рамках содержания этих подходов события XXI века оказались недостаточными для качественного изменения их содержания и их способности к анализу новых тенденций международных отношений и внешней политики США. Это является следствием преувеличения значимости неоконсерватизма и неолиберализма, которые стали чертами развития американского общества, в особенности во время имперской экспансии США и попыток построения однополярного мира после окончания «холодной войны». В результате проведенного анализа делается вывод о том, что фундаментализм этих парадигм сегодня сужает их возможность более точно анализировать и служить основой для формулирования целей внешней политики Соединенных Штатов.

Ключевые слова: неореализм, неолиберализм, мировой порядок, внешняя политика, глобальные угрозы, США, Китай.

Khlopov O.A.

Khlopov Oleg Anatolyevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of American Studies, Russian State Humanitarian University (RGGU). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Miusskaya sq., 6. E-mail: rggu2007@rambler.ru.

The Neoconservative and Neoliberal paradigms of international relations about US global leadership

Abstract. The article examines the content and criticism of neoconservatism and neoliberalism in order to establish their value as the scientific paradigms for the basis of the implementation of US foreign policy. Within the framework of the content of these approaches, the events of the 21st century have turned out to be insufficient to bring qualitative changes to their content and their ability to analyze new trends in international relations and US foreign policy. This is a consequence of the exaggeration of the importance of neoconservatism and neoliberalism, which became main features of the development of American society, and

especially during the imperial expansion of the United States and attempts to build a unipolar world after the end of the Cold War. The author argues and concluded that the fundamentalism of these paradigms today limits their ability to more accurately analyze and serve as a basis for formulating the goals of the foreign policy of the United States.

Key words: neorealism, neoliberalism, world order, global threats, foreign affairs, USA, China.

Прежде всего, представляется необходимым рассмотреть отличия в отношении терминов «неоконсерватизм» и «неолиберализм». Оба они относятся к теории международных отношений и не имеют отношения к общеизвестным социальным философиям «консерватизма» и «либерализма». Как правило, «неоконсерватизм» предполагает военный интервенционистский подход к отношениям с другими странами, а «неолиберализм» предполагает долгосрочные стратегии экономической эксплуатации и глобальной консолидации наций.

Те, кто больше всего известен своей принадлежностью к неоконсервативным взглядам, известны как «неоконсерваторы», а те, кто больше всего известен своей принадлежностью к неолиберальным взглядам, известны еще и как «глобалисты».

Однако реальность такова, что почти вся политическая элита США на самом деле являются «неоконсерваторами-глобалистами-неолибералами», которые разделяют аналогичный гибрид этих двух взглядов, следуя основной цели – добиться мирового господства США с помощью военных и экономических средств. Неоконсерваторы обычно добиваются своих целей с опорой на военную силу, в том числе применяя нападения «под ложным флагом» на своих собственных граждан для создания страха для оправдания вторжения в другие страны и для ущемления прав собственного народа. Неолибералы в достижении подобной цели полагаются на экономические рычаги влияния США, международные организации и финансовые институты.

Неоконсерватизм – это теория военного интервенционизма Соединенных Штатов, история которой насчитывает много

десятилетий. Сторонники неоконсерватизма считают, что вооруженные силы США должны быть достаточно сильными, чтобы контролировать мир, иначе он погрузится в хаос.

Исторически сложилось так, что неоконсерваторы поддерживали воинствующий антикоммунизм, терпели большие расходы на социальное обеспечение, что иногда было приемлемо для либертарианцев, и сочувствовали нетрадиционной внешнеполитической повестке дня, которая была менее почтительной по отношению к традиционным концепциям дипломатии и международного права и менее склонна к компромиссу принципов, даже если это означало односторонние действия. Полагая, что Америка должна «экспортировать демократию», то есть распространять свои идеалы правительства, экономики и культуры за рубежом, они стали отвергать зависимость США от международных организаций и договоров для достижения этих целей.

Неолиберализм, хотя и является технически правильным термином для большей части политики президентской администрации от Рейгана до сегодняшнего дня, это слово, которое в то время мало использовалось в Соединенных Штатах.

В начале XXI века этот термин часто использовался средствами массовой информации для описания политики администрации Б. Обамы, что стало важным примером «двусмысленности» его политики.

Как республиканцы, так и демократы могут быть «неоконсерваторами-глобалистами», отсюда часто возникает путаница, поскольку многие политики, обычно известные просто как «неоконсерваторы», такие, как Джордж Буш, на самом деле также следовали неолиберальной политике.

Многие неоллибералы также связаны с ястребиными «неоконсервативными» философиями, такими как аналитический центр «Проект нового американского века (PNAC)», который опубликовал документ «Восстановление обороны Америки» за год до терактов 11 сентября 2001 г., в котором говорилось о необходимости проведения мероприятия типа «катализатора нового Перл-Харбора».

Политика президента Д.Трампа «Америка прежде всего» (America First) побуждала экспертов и аналитиков говорить об отходе США от политики интервенционизма к изоляционизму как свидетельство неминуемого, неизбежного и необратимого упадка американской «империи». Перед лицом внутренней политической и социальной разобщенности американского общества, изменения климата и усиления конкурирующих держав ряд экспертов предсказывает, что США вполне могут вернуться к изоляционизму, а мир к «Эпохе гнева», в которой «страны от Соединенных Штатов до Индии демонстрирует жестокую политику идентичности, основанную на исторических травмах и страхе перед внутренними и внешними врагами» [1].

Такая характеристика резко контрастирует с идеями американской экспансии и глобального лидерства, которые были широко распространены в академическом и экспертном сообществе в начале тысячелетия. В конце 1990-х и начале 2000-х гг., мы стали свидетелями ряда парадигматических подходов, объединенных в убеждение о том, что американская мощь находится на подъеме и жизненно важна для глобального мира [2].

Вдохновленные распадом Советского Союза, быстрой экспансией глобального капитализма и очевидными геостратегическими победами в Афганистане, а затем в Ираке, неоконсервативные и неоллиберальные эксперты США достигли относительного консенсуса в отношении того, что США являются силой, которая поддерживается средствами и мотивами дальнейшего расширения [3].

В то же время некоторые реалисты, такие как Кеннет Померанц и Чалмерс Джонсон, давно выражали осторожность в отношении глобальных амбиций Соединенных Штатов, опасаясь, что их упадок станет предвестником упадка самой Америки [4]. Однако события последних лет, связанные с провалами США, глобальной войной, террором, финансовым кризисом, Великой рецессией, началом режима жесткой экономии и политикой непоследовательного изоляционизма президента Д. Трампа, дают достаточные основания для пересмотра внешней политики США.

В рамках содержания обеих парадигм события XXI века оказались недостаточными для качественного изменения их содержания и анализа новых тенденций международных отношений и внешней политики США. Это является следствием преувеличения значимости неоконсерватизма и неоллиберализма, которые стали главными чертами развития американского общества и особенно во время имперской экспансии США. Сегодня фундаментализм этих парадигм сужает их возможность более точно анализировать и давать рекомендации по реализации внешней политики.

Начиная с 1945 г. две ключевые парадигматические концепции – неоконсерватизм и неоллиберализм по-своему говорят об американской империи и глобальном лидерстве США, и каждая по-своему отреагировала на вызовы последних десятилетий, когда «географическое расширение» США было омрачено неудачами: вмешательством в Афганистан и Ирак, масштабом экономическо-финансового кризиса и импульсивным и непоследовательным политическим размахом президентства Д.Трампа. Хотя оба научных подхода различны и рассматривают современную политику США по-разному, они разделяют общую идеологическую приверженность элементам классического либерализма – веру в необходимость продвижения американских ценностей за рубежом.

Неоконсервативная парадигма как основа жесткой силы однополярной системы международных отношений. Хотя неоконсерватизм в последнее время наиболее четко ассоциировался с президентством Дж. У. Буша, внешнеполитический вектор США возник в результате работы группы американских либералов, разочарованных нежеланием демократов энергично утверждать либерализм. Начиная с 1945 г. и особенно с 1960-х гг., мыслители все чаще создавали «своеобразный синтез реализма и идеализма», который утверждал уникальную историческую ценность американской демократии и необходимость поддерживать ее во враждебном мире с помощью жесткой силы и экспансии [5 р. 7-26]. К началу XXI в. среди таких «либералов в волчьей одежде» были Пол Вулфовиц, Уильям Кристол, Роберт Каган и Чарльз Краутхаммер, Халпер и Кларк [6].

Их работы повлияли на действия США и их союзников и стали основой для утверждения внешней политики, в которой демократические режимы стали рассматриваться как основа всех других благ. Контекст окончания «холодной войны», а затем исламистская оппозиция США предоставили неоконсерватизму веру в непреходящую потребность США в одностороннем сохранении Pax-Americana, «уничтожение монстров было предпосылкой для создания американской империи, а американская империя была предпосылкой для Империи Свободы» [7].

Неоконсерваторы часто отстаивают основополагающее значение однополярности современного мира, и также предполагают, что ценность демократии проистекает из ее американского характера. При этом неоконсервативное оправдание продвижения демократии часто основано на силовых действиях и социальной инженерии. Падение «тиранических режимов», таких как Советский Союз и саддамовский Ирак, они часто преподносили как средство освобождения людей от «ложного сознания», которое в конечном итоге, идет вразрез с их реальными интересами.

В этом отношении либерализм неоконсерваторов основан на заботе о положительных формах свободы, хотя и осуществляется путем навязывания ограниченных форм правления. Для них тезис Ф. Фукуямы о «конце истории» поддерживает предположение о том, что после распада Советского Союза у США есть моральный императив насильственного расширения демократии способами, которые чужды классическим либералам.

Радикальные, революционные последствия этого подхода очевидны в разновидности реакции неоконсервативной внешней политики на ключевые глобальные события. Некоторые неоконсерваторы признали «возвращение истории» [8] и возникновение многополярности и «американского кризиса» [9], и возможность цикла упадка.

Неоконсервативные взгляды утверждают, что мировой порядок после 1945 г. больше не функционирует и что интернационализм потерпел неудачу, но его можно воскресить [10]. Консервативные историки, такие как Найл Фергюсон и Макс Бут, представили серию политических позиций, которые направлены на стремление управлять упадком Америки как частью «трансатлантической империи», при котором имперское господство переходит неизбежно и циклически от одного общества к другому (в данном случае к Китаю) [11].

В сущности, те, кто признает возможность упадка, такие как Пол Вулфовиц, бывший замминистра обороны США, сторонник принципов американской гегемонии в однополярном мире, утверждают, что США, хотя и пребывают в кризисе, тем не менее, являются последним законным и способным защитником либеральных ценностей и могут остановить этот спад за счет все более широкого применения имперской жесткой силы [12].

Хотя сторонники неореализма считают непостоянную и непоследовательную внешнюю политику Д. Трампа уступающей однополярной и экспансионистской геостратегии эпохи Дж. Буша-мл., тем не менее, полагают, что гегемония Запада под

руководством США предпочтительнее изоляционизма и сопутствующих этому факторов – роста гуманитарных катастроф, нарушений прав человека и соперничающих сверхдержав [13].

Однако их утверждения о том, что неудачи США на международной арене были вызваны недостаточным, а не чрезмерным развертыванием жесткой силы, указывает на неточность неореалистской парадигмы. Тот факт, что хаос на современном Ближнем Востоке не поколебал веру некоторых неоконсерваторов в необходимость использовать военную силу, предполагает, что такой подход несет с собой опасность возобновления старых и начала новых военных конфликтов.

Неолиберализм как основа имперской «мягкой силы». В то время как неоконсерватизм сосредоточен на продвижении демократии, часто с помощью военных средств, сторонники неолиберализма начиная с 1990-х гг., подчеркивали важность американской культурной гегемонии и ценность капитала для интересов США и стабильного мира. Как и в случае с неоконсерваторами, американский неолиберал Джозеф Най опасается использовать слово «империя» отчасти потому, что это слово подразумевает «империю по принуждению, а не империю по согласию», и отчасти потому, что упоминание слова «американская империя» недостаточно академично в сравнении США и Имперского Рима [14, pp. 71-73].

Однако, в отличие от неоконсерватизма, американский неолиберализм в целом вызывает гораздо более серьезную озабоченность. Либерализм и его способность стимулировать сотрудничество и взаимозависимость через рынок наделяют американскую культуру уникальной исторической ценностью, поскольку она позволяет вовлечь радикально расходящихся людей в единую социальную сферу.

Это связано с тем, что американский либерализм на практике может создавать устойчивые институты, в первую очередь в экономике, которые позволяют рациональным, корыстным людям эффективно и

мирно отстаивать свои интересы. В этом контексте международные институты служат «соглашениями или контрактами между участниками, которые уменьшают неопределенность, снижают транзакционные издержки и решают проблемы коллективных действий» [15, p. 116].

В то время как неоконсерватизм грубо относится к демократии как к фундаментальной ценности и основе построения демократических государств, неолиберализм поддерживает гораздо более широкий набор институциональных механизмов, сходящихся на защите свободы, частной собственности и рынка. Либерализм не только защищает интересы отдельных лиц в данном обществе, но и предоставляет обществу с либеральными институциональными обязательствами способность к сотрудничеству. Наиболее четкое историческое выражение этой позиции исходит от президента США В. Вильсона, чья доктрина утверждала, что сосуществование и сотрудничество с государствами может иметь место только в том случае, если эти государства живут в соответствии с либеральным международным правом [16, pp. 81-82]. В. Вильсон в своих «Четырнадцать пунктов» выступал за «общее объединение наций ... чтобы предоставить взаимные гарантии политической независимости и территориальной целостности для всех государств» [17].

Однако, резко контрастируя с заботой неоконсерватизма о жесткой силе, неолиберальный институционализм Дж. Най фокусируется на «мягкой силе»: «способности получать то, что вы хотите, посредством привлечения, а не принуждения или платежей» [18]. После Второй мировой войны и столкновения с конкуренцией со стороны Советского Союза европейским и американским политикам и экспертам стало ясно, что промышленно-развитые демократические союзники нуждаются в централизованной власти для поддержания и контроля своих встроенных либеральных институтов. США оказались единственной силой с существующим философским проектом и моральной легитимностью для

надзора за неформальной империей. По сути, центр империализма сместился с европейского стиля колониализма западных государств к новому неформальному соглашению между развитыми обществами в рамках «добровольного империализма глобальной экономики» [19, p. 18].

«Культурный экспорт» свободной торговли в подчиненные ему государства позволили США проникнуть в некогда изолированные общества. Фордистский капитализм сделал возможным массовое потребление товаров и средств массовой информации в американском стиле [19].

Хотя Дж. Най призвал США определить свои национальные интересы, включив в них глобальные интересы, существует критика и пессимизм в отношении экспансионизма жесткой силы, которые предпочитают неоконсерваторы в Ираке и Афганистане. Это связано с тем, что неолбералы сохраняют веру в уникальную способность американского культурного капитала содействовать укреплению позиции США, даже когда его жесткая сила ослабевает [14].

Действительно, как демонстрирует работа Чарльза Купчана после Великой рецессии 2007-2009 гг. неолберальная приверженность институтам означает, что они отвергают неоконсервативные подходы и идею о том, что упадок США является неизбежным следствием и причиной подъема Китая. Стремясь подправить и исправить американский либерализм, его сторонники намерены возобновить его глобальную привлекательность, продвигая геополитический баланс между бескорыстным изоляционизмом «американской исключительности 1.0» до Перл-Харбора и чрезмерным имперским размахом «американской исключительности 2.0» после 1945 г. [20].

Неолбералы пытаются внести изменения в существующую глобальную институциональную структуру, а не отказываются от нее, что проистекает из веры в представление о том, что США, как общество, наиболее точно настроенное на либерализм, в будущем сохранит свое мировое влияние и власть в силу присущих ему

черт, даже если речь идет о договоренностях с развивающимися промышленными державами.

Будучи ярким сторонником неолберализма Дж. Най заявляет, что Китай по своей природе неспособен бросить вызов США на глобальном уровне. В то время как Китай способен стать региональной державой и вытеснить интересы США из материковой части Восточной Азии и стран АСЕАН. Пекин никогда не достигнет паритета с Вашингтоном в борьбе за превосходство мягкой силы. Китайские обычные вооруженные силы находятся на технологическом паритете с вооруженными силами США и значительно превосходят их, но силам Китая не хватает чего-либо, приближающегося к глобальному присутствию американцев. Более того, Най утверждает, что китайское правительство не имеет какой-либо мотивации для изменения неолберального мирового порядка или достижения глобальной гегемонии [14].

Такой анализ основан на убеждении, что международные неолберальные институты обладают способностью гарантировать, что по мере институционализации этих обществ они станут больше похожи на саму Америку. По сути, альтернативы либерализму просто демонстрируют его непреходящую ценность и подтверждают, что модель нужно просто доработать и заново применить с большими усилиями.

Эта позиция очевидна в заявлении о том, что «лекарством от проблем» либеральной демократии является более либеральная демократия. Ее сторонники утверждают, что «американский либеральный гегемонистский порядок переживает кризис, но это кризис авторитета внутри либерального международного порядка, а не кризис его основополагающих принципов. То есть это кризис американского управления либеральным порядком, а не сам либеральный порядок» [10].

Таким образом, точно так же, как неоконсерваторы утверждают, что решение недостатков американской жесткой силы – это более жесткая сила, неолбералы ут-

верждают, что решение недостатков «мягкой силы» – это увеличение либерального международного порядка через укрепление либеральных институтов и расширение транснационального сотрудничества.

Приведенные выше ведущие парадигматические описания американской исключительности и глобального лидерства указывают на догму перед лицом противоречивых явлений, которые могут проистекать из общей интеллектуальной приверженности элементам классического либерализма или неореализма (неоконсерватизма). Как неоконсерваторы, так и неолибералы в основном верят в подлинность практики, в которой недостатки их институтов объясняются не их ключевыми обязательствами, а недостаточной чистотой применения.

Эти подходы должны учитывать в своем анализе новые события и тенденции мирового развития, т.к. сегодня мир меняется от глобального к региональному.

Внешняя политика Соединенных Штатов отошла от этих двух парадигм. Политические лидеры все чаще развертывают вооруженные дорогостоящие силы и проводят военные интервенции контрпродуктивным образом, рассматривая вооруженное господство как самоцель. Более того, значительная часть внешнеполитического сообщества в Вашингтоне поддалась интеллектуальной летаргии об универсальной роли демократии и неолиберализма в решении сложных глобальных проблем.

Такие подходы подавляют или избегают серьезных дебатов о неэффективной и, по большей части, провальной внешней политике, которая подрывает американские интересы и девальвирует американские

ценности, принося в жертву запасы влияния, заработанные Соединенными Штатами в предыдущие десятилетия. Однако прежний опыт либерального правления США заставляет усомниться в их способности преодолеть описанный раскол общества и структурах власти.

Неизменной темой политики США практически с момента основания республики был экспансионизм. Экспансионизм объясняет внешнюю политику США лучше, чем любой другой термин. США, вероятно, останутся доминирующими в обозримом будущем, но это превосходство не будет означать абсолютной гегемонии. Призыв Вашингтона должен заключаться не в том, чтобы навязывать Pax Americana, а в том, чтобы способствовать взаимному сосуществованию. Новоизбранный президент США Джо Байден и демократическая партия, одержимые изгнанием Д. Трампа, полагают политически выгодным продемонстрировать жесткую позицию в отношении России, что может привести к безрассудным ошибочным суждениям после прихода к власти.

Таким образом, вместо реалистичной политики, определяемой четкими национальными интересами, Соединенные Штаты склоняются к конфронтации с Россией. Очевидно, США нуждаются в новых концептуальных основах новой внешней политики, основанной на дипломатическом взаимодействии и военной сдержанности. Результаты президентских выборов предоставляют уникальную возможность для консерваторов и либералов поставить внешнюю политику США на разумную и гуманную основу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pankaj Mishra. *Age of Anger: A History of the Present*. New York: Farrar, Straus & Giroux, 2017. 416 p.
2. Hopkins A.G. *American Empire*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2018.
3. Parker N. *Empire as a Geopolitical Figure // Geopolitics*. 2010. № 15. Pp. 109-132.
4. Pomeranz K. *Empire and Civilizing. Missions. Past and Present // Daedalus*. 2005. № 134 (2). Pp.34-45.
5. Dorrien G. *Imperial Designs*. London: Routledge. 2004.

6. Caverley J. Neoconservatism, Neoclassical Realism, and the Narcissism of Small Differences. In *After Liberalism?* / Ed. R. Friedman, K. Oskanian, and R.P. Pardo. Basingstoke: Palgrave. 2013. Pp. 145-166.
7. Immerman R. *Empire for Liberty*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2010.
8. Kagan R. *The World America Made*. New York, NY: Alfred Knopf. 2012.
9. Rachman G. *Zero-Sum Future*. New York: Simon & Schuster. 2011.
10. Ikenberry G.J. The End of Liberal International Order // *International Affairs*. 2018. № 94 (1). Pp. 7-24.
11. Ferguson N. The Unconscious Colossus: Limits of (& Alternatives to) American Empire // *Daedalus*. 2005. № 134 (2). Pp. 18-33.
12. Wolfowitz, P. Discussing President Trump's Middle East policy // American Enterprise Institute. 24 April. 2017. URL: <https://www.aei.org/press/discussing-president-trumps-foreign-policy-and-the-middle-east-wolfowitz-on-the-global-politico-podcast/>
13. Wolfowitz P. Discussing US-Iran Tensions // CNN International. July 22. 2019. URL: <https://www.aei.org/press/discussing-us-iran-tensions-wolfowitz-on-cnn-internationals-first-move-with-julia-chatterly>
14. Nye J.S. *Is the American Century Over?* London and New York: Polity. 2016.
15. Grieco J.M., Ikenberry G.L. *State Power and World Markets*. New York: W.W. Norton & Co. 2003.
16. Doyle M. *Empires*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 1986.
17. Wilson W. The Fourteen Points. Speech to United States Congress. 8 January 1918. New Haven, CT: The Avalon Project. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/wilson14.asp
18. Nye J.S. *Soft Power*. New York: Public Affairs. 2004.
19. Cooper R. The Post-Modern State. In *Re-Ordering the World*, ed. M. Leonard, 11–20. London: Foreign Policy Centre. 2002.
20. Kupchan C. The Clash of Exceptionalisms // *Foreign Affairs*. 2018. №. 97(2). Pp. 139-149.

Поступила в редакцию 15.11.2020.

Принята к публикации 03.12.2020.

Для цитирования:

Хлопов О.А. Неоконсервативная и неолиберальная парадигмы международных отношений о глобальном лидерстве США // *Гуманитарный научный вестник*. 2020. №11. С. 164-171. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/11/Khlopov.pdf>